

Дики адыгского прошлого

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ выпуск 4 (87)

ХАДЖРЕТОВА КАБАРДА

КАБАРДИНСКИЕ ХАДЖРЕТЫ В ЧЕРКЕССКОМ СОПРОТИВЛЕНИИ

Продолжение.
Предыдущие главы в
выпусках 20 (79) – 24 (83),
1(84) – 3(86).

ПОСЛЕ АДРИАНОПОЛЯ. 1829 – 1864 гг.

В 1834 г. Засс еще раз наносит удар по кабардинцам. С полуторатысячным отрядом он напал на Анзоровский аул, «населенный абреками». «Самый аул Анзорова, – описывает нападение Щербина, – находился в неприступной и хорошо защищенной местности. Поэтому, прежде, чем русские обложили аул, горцы успели угнать скот и отправить семьи в ближайший лес. Абреки встретили приступ русских войск, но не могли удержать аула за собой и бежали, оставив на месте неубранными 9 тел. Казаки забрали часть черкесского имущества, оставшегося в саклях, и сожгли аул, потерявши двух человек убитыми и двух ранеными». (Щербина Ф. А. История... С. 407).

В январе 1835 г. офицер генштаба князь Шаховский доносит барону Розену, что недавно замирившиеся абреки князя Исмаил Касаев и Джамбулат Атажукин, получив разрешение поселиться на Кубани, попустительствуют набегам на линию. Шаховский подчеркивает, что на дистанции, подчиненной Зассу, Касаев «не делает никакого вреда, но зато все хищнические партии, следующие из-за Кубани, им передерживаются и направляются на границы другого начальства». (Рапорт шт.-к. кн. Шаховского барону Розену, от 24 января 1835 г., № 2. Укр. на Урухе // АКАК. Т. VIII. С. 747). Согласно Шаховскому, в ауле Касаева постоянно находили приют «хищники». Он, якобы, позволил закубанцам похитить племянника карачаевского старшины Крымшамхалова, требовал от карачаевцев изгнать пристава и предоставить через их земли дорогу для закубанских отрядов. Шаховский предполагал, что у Засса и Касаева установились взаимовыгодные отношения, и что полковник мог при помощи князя дискредитировать своего коллегу полковника Пирятинского, командовавшего соседним участком линии.

Приведем предписание ко-

мандира корпуса Розена Вельяминову от 31 января 1835 г. Оно практически идентично по содержанию рапорту Шаховского и, пересказывая сведения Шаховского, поручает Вельяминову разобраться в ситуации:

«Секретно.

Предписание командира Отдельного Кавказского корпуса генерал-адъютанта, барона Г. В. Розена, командующему войсками на Кавказской линии господину ген.-лейт. и кавалеру Вельяминову, от 31 января 1835 г. – Ставрополь.

До сведения моего дошло, что беглые кабардинские князья Исмаил Касаев и Джамбулат Атажукин, недавно изъявившие вновь покорность правительству и за оную получившие дозволение поселиться на левом берегу Кубани, принимают участие в хищничествах непокорных горцев и даже скрывают и задерживают в своих аулах хищников: в недавнем еще времени князь Джамбулат Атажукин, при разбое учиненном закубанцами у карачаевцев и при перестрелке завязавшейся близ его аула не дал никакой помощи; многие кабардинцы и карачаевцы были свидетелями дележа добычи в ауле князя Исмаила Касаева, сверх того он присылал к карачаевцам человека с предложением выгнать от себя назначенного мною пристава и по прежнему пропускать чрез свои земли закубанских хищников, обещая, если они исполнят сии предложения, возвратит карачаевцам захваченных им у них в плен людей.

Почему я прошу Ваше Превосходительство узнать достоверно принимал ли Исмаил Касаев участие в разбое учиненном в недавнем времени закубанцами у карачаевцев и если сие действительно окажется справедливым приказывать ему возвратит карачаевцам все, что у них было отбито, чрез его посредство, а в обеспечении покорности его на будущее время, приказывать ему переселиться на прежнее ме-

стоительство в Кабарду и мне о том донести. – За поведением же и действиями князя Джамбулата Атажукина предпшите иметь бдительный надзор.

Ген.-адъют. Розен».

Следующий документ представляет собой рапорт исполняющего должность главного пристава закубанских народов штабс-капитана Венеровского Вельяминову, который полностью снимает подозрения как Шаховского, так и вышестоящего начальства в нелояльности только что сложивших оружие князей:

«Секретно.

[Получено] 18 апреля 1835. Рапорт исправляющего должность главного пристава закубанских народов штабс-капитана Венеровского, командующему войсками на Кавказской линии и в Черномории господину ген.-лейт. и кавалеру Вельяминову.

Во исполнение предписания Вашего Превосходительства, от 4-го числа сего апреля с № 38-м и препровожденной при оном копии с предписания господина корпусного командира от 31 января № 3 донести честь имею. Беглые Кабарды некие князья: Исмаил Касаев и Джамбулат Атажукин, со времени покорности их нашему правительству, никогда не принимали участия в хищничествах с непокорными горцами и не задерживают их скрытно в своих аулах. При перестрелке завязавшейся не в дальнем расстоянии от аула Атажукина он не в силах был дать помощь по недостатку людей в его ауле, которые занимались переселением своих родственников из Абазех и зная очень хорошо, что вступивши с хищниками в перестрелку, он после не мог бы никак показаться в месте их жительства, откуда необходимо переселять ему своих подвластных, живущих порознь. Лишившись средства выселять от Абазех, и других непокорных нам народов своих людей, он мог подвергнуть их разграблению.

Насчет дележа в ауле Касаева, и о том, что якобы посылал он к карачаевцам с предложением выгнать от себя пристава, пропускать по-прежнему чрез свои земли закубанских хищников, и обещался возвратит захваченных в плен людей. Я полагаю сие основано на одних несправедливостях выведенных по вражде на него Касаева со стороны фамилии Атажукиных, основывая мнение мое на том, что во всех партиях, которые были у карачаевцев на хищничестве был предводителем кабардинский князь Арслангирей Биарсланов, который непримиримый враг Касаеву за кражу засватанной Арслангиреем невесты. А Атажукины в ссоре за то, что не выдал по желанию их Атажуке Атажукину в замужество родной сестры своей бывшей за покойным генерал-майором князем Бековичем Черкасским. Если бываю когда из не преданных нам народов у Касаева, и Джамбулата Атажукина, то не партиями, не скрытно, и не для воровства, а приезжают в гости, и уезжают от него в свои дома.

Штабс Капитан Венеровский».

Ниже присоединена справка о зависимости карачаевцев от кабардинских князей. Автор не указан, а текст написан другим почерком, чем рапорт Венеровского:

«Кабардинцы с давних времен занимая часть плоскости и часть гор, между рек Терек и Кубанью лежащих земель, будучи сильнее прочих горских народов в окрестности их обитающих, малосильных подчинили себе набегами и грабежом, и обязали их ежегодной податью, в числе коих и карачаевцы, во избежание их грабительства и утеснения обязались разделяясь на княжества: Крымшаукалова фамилия Мисостовой, Карабашевы – Джамбулатовой, Дудовы – Атажукиной, почему для охранения их от насилий как своих князей, так и от прочих народов высылались к ним с

каждой упомянутой фамилии кабардинских князей на три года по одному князю, которые кроме такового охранения обязаны были провожать ездящих по своим надобностям в разные места и отыскивать у них кем-либо тайно похищенное или явно отнятое. За каковое трехлетнее охранение от всяких насилий и обид платили они трем князьям 1500 баранов и сто штук рогатого скота; и, сверх того, кто из них умел лучше их охранять, тому по просьбе его делалось особое уважение: да сверх сего давали они старшему князю всей Кабарды, которой бы он фамилии не был, с каждого дому по одному барану; но с тех пор как вступили в пределы Кабарды русские войска и построили крепости все таковые горские народы освободились от их насилий и самовластия в числе коих и карачаевцы отошли от них».

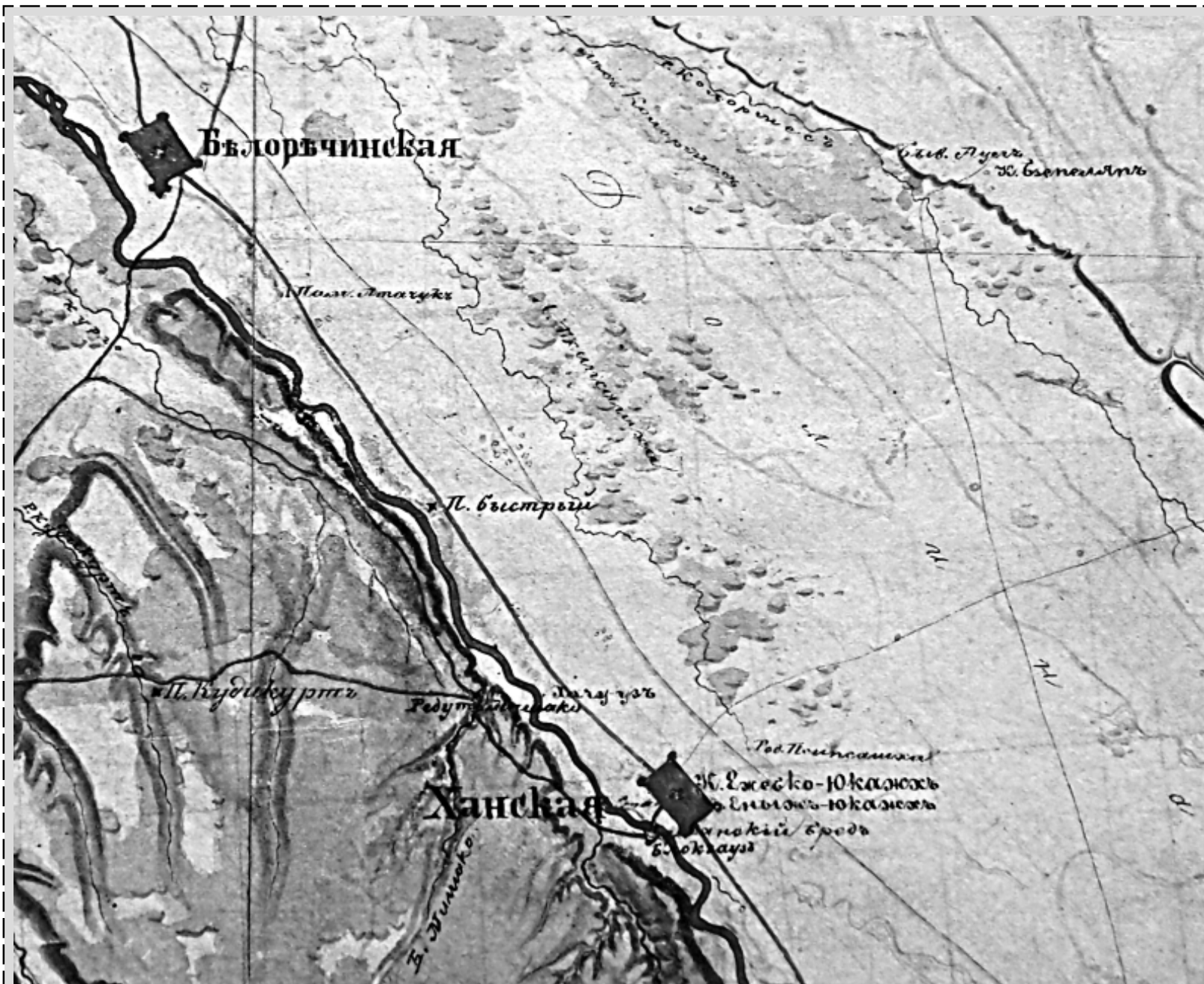
Следом идет предписание Розена о необходимости внедрения прямой российской администрации в Карачае и других горских округах Кабарды, и о наложении категорического запрета на осуществление княжеского управления и юрисдикции.

«Секретно.

Копия с предписания командира Отдельного Кавказского корпуса, командующему Центром и Кабардинской линией, господину генерал-майору Сергееву, от 6 сентября 1835 года, за № 974.

По древнему обычаю горцев, народы живущие в ущельях, как карачаевцы и другие им подобные, платили дань кабардинским князьям; ныне народы сии составя самостоятельные общества, должны разбираться в своих делах русским начальством и отбывать только те повинности, кои требуются нашим правительством; по сему я предлагаю Вашему Превосходительству внушить кабардинским князьям, и в особенности князьям Мисосту и Атажуки (приставу карачаевскому) Атажукиным, чтобы они никаких притеснений не имели на карачаевцев, равномерно дадим знать сему народу, что князь Атажука Атажу-

КАРТА КУБАНИ 1864 ГОДА

Карта верхней и средней части бассейна реки Кубани. 1864 г. РГБ. Отдел картографических изданий. Ко 8/VIII-32. Фрагмент.

Карта содержит сведения за 1862-63 гг. Станица Ханская только что основана, за Белой отмечен пост Кудикурт. В устье маленькой речки Мишоко, левого притока Белой, основан одноименный редут.

В непосредственной близости от станичных укреплений Ханской отмечены два кургана – Ежебко-Юкаж и Еныж-Юкаж. Ниже станицы с правой стороны реки нанесено название Хачу-уз.

Отмечен также стратегически важный Ханский мост, где переправлялись войска. Весьма интересный гидроним – родник Псипсаиха – отмечен к востоку от Ханской. Далее, вниз по течению Псипсаихи, отмечен одноименный лес, тянувшийся до широты укрепления Белореченского и стыкующийся с лесом Колормесом. К востоку от леса Колормес отмечены: «бывший аул» и курган Бзепеляп. Прямо на дороге из Ханской в укр. Белореченское отмечен памятник Атачук – очевидно, что это памятник Атажуку Айтекову-Болотокову.

Между течениями Псипсаихи и Колормеса отмечена «Долина Ибгу», тянувшаяся от северных предместий Майкопа до станицы Белореченской, параллельно течению Белой.

кин поставлен у них приставом в том внимании, чтобы наблюдать за хищниками чрез их земли прорывающимися, стараться водворять спокойствие между жителями и в случае дурных поступков, кого-либо из карачаевцев не повинующегося приказаниям пристава доносить о том ближайшему начальству.

Ваше Превосходительство вменив все сие в неременную обязанность прапорщику князю Атажуке Атажукину объяснить и помощнику его прапорщику Шу Кармову; причем уведомляю, что для производства письменных дел командирован к карачаевскому приставу топограф 3-го класса Муса Бикулов.

Подлинное подписал генерал-адъютант барон Розен 1-й.

Верно. Старший адъютант Генерального штаба штабс-капитан князь Шаховский.

В это же время было принято решение поселить Касаева с его подвластными на Зеленчуке:

«Секретно.

Копия с предписания корпусного командира командующему Кабардинской линией, господину полковнику Зассу, 6 сентября 1835 года, за № 975.

Рассмотрев положение горцев входящих в управление Вашего Высочайшего и командующего Кабардинской линией, и лично убедясь во влиянии князей на народ, я нахожу нужным Исмаила Касаева оставить на теперешнем его месте жительства при р. Зеленчук, а переход его в Кабарду, хотя бы он и сам того пожелал, совершенно воспретить, дабы не могло произойти ссор и неприязненных действий между им и другими кабардинскими князьями; о чем давая знать Вашему Высочайшему и командующему Кабардинской линией предлагаю за действиями князя Исмаила Касаева

иметь секретное наблюдение, и стараться привязать его к правительству хорошим обращением и внимательностью к благонамеренным его поступкам наблюдая тоже и в отношении других почетных лиц.

Подлинное подписал генерал-адъютант барон Розен 1-й

Верно. Старший адъютант штабс-капитан князь Шаховский.

См.: РГВИА. Ф. 13454. Оп. 8. Д. 18. Переписка о кабардинских князьях Исмаиле Касаеве и Джамбулате Атажукине, покорившихся русским, сведения о местности и условиях жизни в Кабарде. 31 января – 16 сентября 1835 г. 18 октября 1836 г. Л. 1 – 1 об., 3 – 5 об., 7 – 8.

Исмаил Касаев умер в 1843 г., а его многолетний сподвижник Джамбулат Атажукин погиб в 1846 г. В 1839 г. аул

Джамбулата отмечен на правом берегу Теберды в 11 км от ее устья. (Подробная карта Кавказского края // Отдел картографирования РГБ. Ко 101 / VII-4).

Барон Торнау оставил интересные подробности о личности Исмаила Касаева, в гостях у которого однажды побывал: «Человек сто абазин, Сидовых и Лововских узденей, под предводительством своих князей проводили меня до большого Тегеня, на берегу которого кабардинский князь Исмаил Касаев начинал тогда строить для себя дома. Он принял меня в шалаше, убранном коврами, за неимением другой кунахской. Касаев принадлежал к одной из первых княжеских фамилий в Кабарде и был очень богат, невзирая на потери, сделанные им в двадцать первом году, когда он бежал за Кубань. В тридцать пятом году он передался

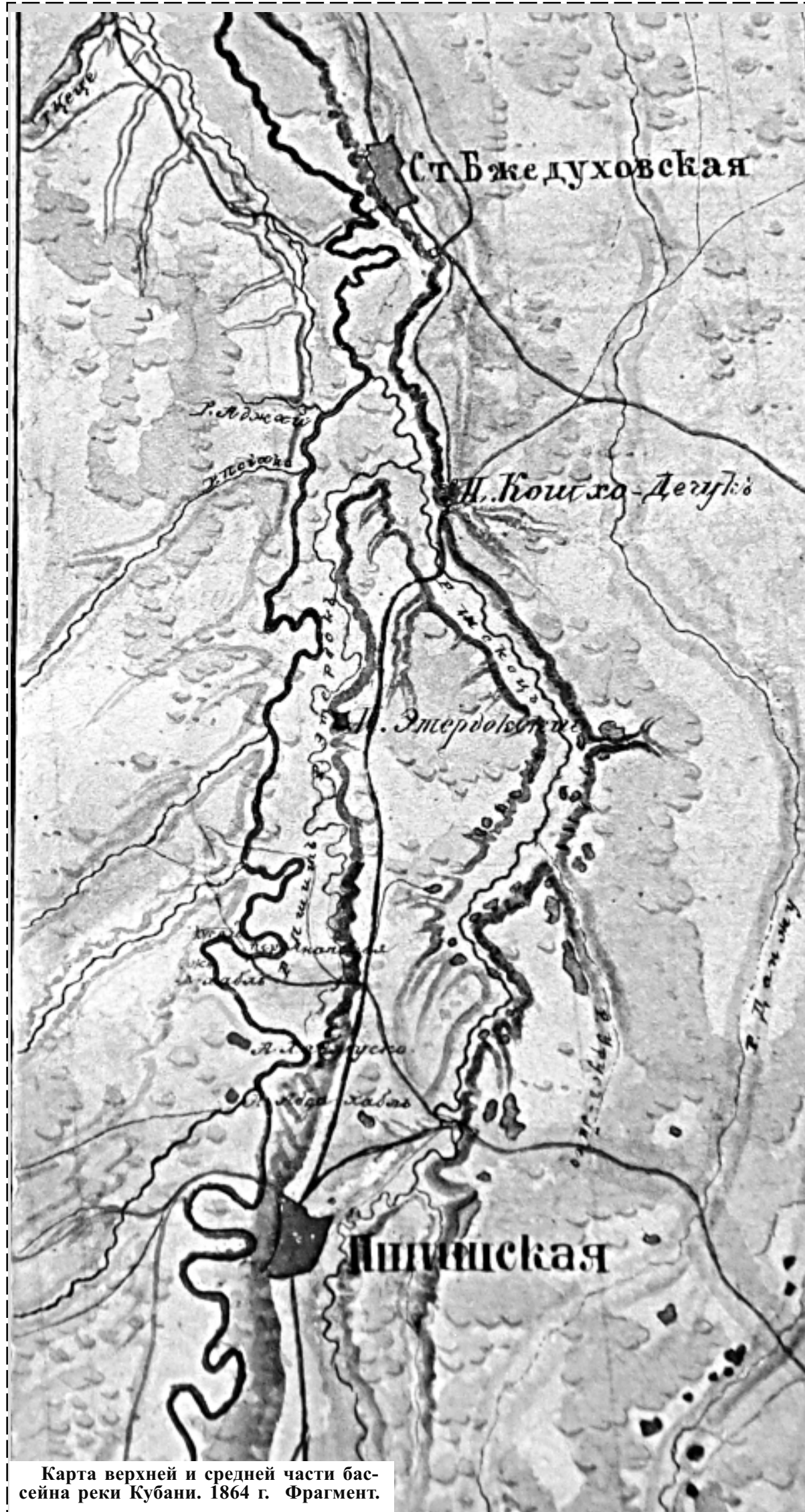
опять на сторону русских и должен был поселиться около Урупа, потому что со времен Ермолова существовало правило не допускать в Кабарду бежавших князей, которые были для нас гораздо вреднее и опаснее простого народа, легко смирившегося, когда они перестали тяготеть над ним. Касаев меня угостил еще с большей пышностью, чем Сидов. У него в доме господствовала старинная турецкая роскошь, обнаруживавшаяся во множестве серебряной посуды, золоченых чаш для кумыса, ковров, парчовых тюфяков, бархатных одеял и тому подобных вещей. Сам Касаев, хромой, с лицом, выражавшим его монгольское происхождение, считался одним из первых молодцов и стрелком, привыкшим бить с седла коз и оленей. Открытое помещение и множество гостивших у него людей, между которыми, я полагаю, были и неприязненные черкесы, заставили его принять для меня особые осторожности. Касаев лег спать с нами в шалаше и, когда все заснуло, с помощью Мамат-Кирея Лова переместил мою постель на другой конец шалаша, сказав, что хотя опасности нет, а все-таки лучше быть осторожным и не верить никому, потому что мысль человека не написана у него на лице, а слова всегда лгут. По углам нашего помещения всю ночь караулили касеевские уздени, вооруженные двустольными ружьями. Касаев проводил меня до Кубани, через которую я переправился против Баталпашинской казачьей станицы. Оттуда я приехал на кавказские минеральные воды, прогостив короткое время в Тохтамыше у генерала султан-Азамат-Гирея, потомка крымских ханов, и на Куме у моего приятеля Лова. Этим кончилось мое первое путешествие». (Воспоминания... Ч. 1. С. 109-110).

В начале сентября 1835 г. кабардинский князь, 70-летний Хаджи Хамурзин, совершил одиночное покушение на коменданта Вознесенского укрепления Левашова. (Воспоминания... Ч. 2. С. 29). Комендант успел бежать, а князь был застрелен подоспевшими солдатами гарнизона. Торнау особо подчеркивает, что тело князя не было похоронено.

На рассвете 31 октября 1835 г. Засс уничтожил аул кабардинского узденя Ибрагима Докшукова, в котором укрывалась партия в 20 человек. Согласно рапорту почти вся партия была истреблена, кроме нее в ауле было убито 37 человек, а 59 уведены в плен. (Рапорт полк. Засса ген.-л. Вельяминову, от ... ноября 1835 г., № 1029 // АКАК. Т. VIII. С. 755-756).

При приведении к покорности бесленеевцев, махашевцев, башильбаевцев и части абад-

КАРТА КУБАНИ 1864 ГОДА

Карта верхней и средней части бассейна реки Кубани. 1864 г. Фрагмент.

зехов, Засс требовал изгнать от себя кабардинцев. Ожидалось, что кабардинцы будут вынуждены сдаться на милость командования. Но вместо этого, кабардинцы собрались вместе на р. Псефир – «в ущелье неприступном и окруженном со всех сторон лесом». На рассвете 27 февраля 1836

г. во главе отряда в 1800 человек Засс обрушился на аул кабардинцев на Псефире. В своем рапорте полковник ничего не говорит о потерях среди населения аула. Многие утонули, пытаясь спастись, остальные все погибли в ауле от огня и оружия. В плен был взят только один человек. (Отноше-

ние барона Розена к гр. Чернышеву, от 2 апреля 1836 г., № 283 // АКАК. Т. VIII. С. 756-757). Все это очень напоминает ужас погрома Карамурзинского аула в 1825 г.

На обратном пути кабардинцы и соседние абадзехи отчаянно нападали на отряд, но с уроном были отбиты. В кон-

це рапорта Засс говорит уже не об одном ауле, но об аулах, при нападении на которые ему удалось уничтожить нескольких «известнейших разбойников», имена которых он не приводит.

После этого погрома на Псефире, часть кабардинцев прислала депутацию с просьбой позволить им переселиться на Малый Зеленчук в аул Исмаила Касаева.

Аул кабардинского князя Исмаила Касаева, известный как Касай-хабль и впоследствии как Хабез, переселившись в Закубанье самостоятельно в рамках движения кабардинского сопротивления, под угрозой нападения русских войск сначала самостоятельно перемещался по территории Восточного Закубанья, а затем, когда Исмаил Касаев принял российское подданство, еще несколько раз менял дислокацию по распоряжениям военной администрации. В рапорте штабс-капитана князя Шаховского барону Розену от 24 января 1835 года аул Касаева фиксируется на левом берегу Кубани. (АКАК. Т. VIII. С. 747). Ф. Ф. Торнау застаёт аул Касаева в том же 1835 г. на реке Большой Тегень и указывает, что он только что переселен на это место по распоряжению кавказского начальства. В апреле 1836 г. Касаев со своими подвластными проживает на реке Малый Зеленчук. (АКАК. Т. VIII. С. 757). В 1839 г. аул Исмаила Касаева отмечен на правом берегу Малого Зеленчука в 10,5 км выше устья Карданаха (Кардоника). (Подробная карта Кавказского края // Отдел картографирования РГБ. Ко 101 / VII-4). В ведомости мирных закубанских аулов 1842 г. а. Исмаила Касаева указан на М. Зеленчуке в 0,5 версты вниз от а. Аджи Кубатова и насчитывал 288 мужчин и 122 женщины. (РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 86. Л. 414 об.). В 1847 г. а. Касаева зафиксирован на правой стороне М. Зеленчука. В 1856 г. мы застаем аул Касаева на Теберде в группе из еще трех кабардинских аулов, которые в официальной переписке фигурируют под названием «тебердинцев». (РГВИА. Ф. 14257. Оп. 3. Д. 390: О поселении вновь покоряющихся горцев внутри наших кордонных линий на землях покорных нам туземцев. Л. 4). Вместе с Касаевым свои аулы разместили по Теберде Джембулат Атажукин, Хохондуков и Комбордов.

По всей видимости, тебердинский этап был достаточно протяженным во времени, иначе закрепление за этой локальной кабардинской группой названия «тебердинцев» было бы странным. В таком предположении нас укрепляет замечание Е. Н. Даниловой о том, что абазины-лоовцы, «жившие

вместе с кабардинцами на Теберде», были переселены в 1854 г. в Лоовско-Кубанский аул. А заселялся этот лоовский (Якуба Лоова) аул на Теберду в 1842 г. (Данилова Е. Н. Абазины. Историко-этнографическое исследование... С. 26). В октябре 1856 г. начальник штаба войск Правого фланга составляет доклад на имя командующего этим флангом генерал-лейтенанта В. М. Козловского с предложением кардинальной перетасовки поселений мирных горцев в рамках Восточного Закубанья. Тебердинцы рассматриваются третьим пунктом после ногайцев и абазин:

«3) Тебердинцы. Тебердинцы поселились в верхней части Кубани в четырех аулах кои суть: Атажукина, Хохондукова, князя Касаева и Комбордова. Начальник центра Кавказской линии находит возможным первые два аула выселить в Большую Кабарду, дабы очистить несколько верхнюю Кубань от туземцев, а остальные два оставить на теперешних местах, предоставив им пользоваться землями по Маринскому и Хумаринскому ущельям, ныне незанятыми, и по правой стороне Кубани вверх до Карачаевских земель». (РГВИА. Ф. 14257. Оп. 3. Д. 390. Л. 4).

Участь «тебердинских» аулов становится ясной из распоряжения начальника главного штаба войск Кавказского корпуса командующему войсками Правого крыла, которое последовало через год – в декабре 1857 г.: «Переселить Тебердинские аулы с настоящих мест их жительства на Зеленчуки под ближайший надзор пристава и кордонного начальства, так как они вредят спокойствию Кисловодского кордона». (Там же. Л. 17 об.).

Таким сложным путем аул Хабез оказался на том месте, где он сейчас находится. В советский период а. Касаевский получил название Хабез, Атажукинский – Зеюко; Хохондуковский – Алибердуковский. (Народы Карачаево-Черкесии. Историко-этнографические очерки. Ставрополь, 1957. С. 61).

А. Марлинский в своих «Кавказских очерках» упоминает кабардинского абрека Адли-Гирея – вероятно, Адиль-Гирея. «Фуражировка была очень удачна; мимоходом спалили три аула; раза два был в жаркой схватке. Застрелил одного шапсуга из пистолета: он кинулся на меня с шашкой, но заряд иголок вместо пули прошил кольчугу и самого чуть не насквозь. Спасибо за эту выдумку кабардинскому абреку, Адли-Гирею. «Надо бить зверя не портя шкурки», говорил он: чертовская расчетливость!». (Марлинский А. Кавказские очерки // Библиотека для чтения. Т. 15. СПб., 1836. Отд. I. С. 247-248). Этот

ХАДЖРЕТОВА КАБАРДА

Адилъ-Гирей, по всей видимости, являлся вторым сыном Мурзабека Хамурзина. В таком случае, он упоминается также у Торнау и являлся одним из лидеров хаджретской общины кабардинцев.

16 сентября 1836 г., в 3 часа ночи, генерал-майор Засс нагрнул в абадзехский аул Хожхабль (видимо, Хуаже-хабль), но не застал в нем никого, поскольку движение его отряда было открыто черкесами, занимавшимися сельскохозяйственными работами. Зассу пришлось довольствоваться 15 пленными, настигнутыми казаками. Аул этот находился на левой стороне Пшиша в труднодоступной местности. Целью рейда было истребление аула, «в коем проживали известные своею ненавистью к русским беглецы кабардинские». (Отношение гр. Чернышева к барону Розену, от 7 октября 1836 г., № 1106 // АКАК. Т. VIII. С. 759-760).

Русский разведчик Ф. Ф. Торнау в период с сентября 1836 г. по ноябрь 1838 г. находился в плену у хаджретов-кабардинцев на территории Абадзехии.

Торнау писал о кабардинцах-хаджретах: «У абазехов скрывалось множество выходцев из Кабарды, с Кубани и из других мест, покоренных русскими, которые, посвятив себя на постоянную, беспощадную войну с нами, носили черкесское название *гаджерет*, а у нас были известны под именем абреков. Смелые, предприимчивые и хорошо знакомые с местностью около Кубани, они водили к нам дальних горцев для грабежа и, когда им удавалось прорываться за нашу границу, жгли русские дома, угоняли скот и лошадей, убивали каждого встречного, захватывали детей и женщин. Наши пограничные казаки, одетые и вооруженные совершенно сходно с горцами и не менее их привычные к войне, день и ночь караулили границу и, в свою очередь, столкнувшись с абреками, когда сила брала, истребляли их до последнего человека. Война велась со всем ожесточением кровной народной вражды. Ни казаки, ни черкесы никогда не просили и не давали пощады. Не было ни средства, ни хитрости, ни вероломного обмана, считавшихся недозволенными для черкеса, когда дело шло убить русского, и для казака, когда предвиделась возможность подкараулить черкеса». (Воспоминания... Ч. 2. С. 6-7).

Торнау связывал рост черкесского сопротивления с хаджретами: «Абречничество распространилось за Кубанью в то время, когда бежавшие кабардинцы, озлобленные покорением их земли, дали обет, пока живы, мстить русским. Скоро из разных мест молодые люди стали уходить к неприятелю,

провозглашая себя абреками, без другого повода кроме удачества и страсти к похождениям. Гораздо меньшее число делались абреками, имея действительную причину жаловаться на русских. Нельзя не признаться, что и в таких не имелось недостатка. (Воспоминания... Ч. 2. С. 9).

Еще один лидер хаджретов князь Аслан-Гирей Биасланов-Хамурзин в 1838 г. был убит наемниками Засса. Позднее, бежавший из плена Торнау видел его отрубленную голову на шесте возле ставки Засса. (Воспоминания... Ч. 2. С. 164). Он сообщает об этой варварской практике Засса только в одном месте своих воспоминаний и только одним предположением, что явно свидетельствует о большом желании автора уличить своего недоброжелателя-генерала в этом зверином поведении. Торнау мог сделать это в любом месте своих воспоминаний – тем более, при многократных своих описаниях Прочного Окопа и действий Засса. Но сделал это только при рассказе о гибели Аслан-Гирея. Анализ текста показывает нам, насколько был чужд подобной дикости сам Торнау, несмотря на плен ни разу плохо не отзывавшийся о черкесах.

Судя по тексту, голова застреленного предательски Аслан-Гирея висела на колу несколько месяцев и, явно, в окружении других голов черкесских воинов.

Гибель одного из ведущих представителей хаджретов не могла не запечатлеться в народной памяти в виде песни-плача.

Песня-плач об Аслан-Гирее Бесланове

При гибели князя ни одного из уорков рядом не оказалось.

Оказался рядом Пшимахо,

Но и он был лишь присошкой для стрелявших.

Почему же нет со мной моего единоутробного...

Есть Магомет, но он слишком юн.

В долине Курджипса большой дом я построил,

Большой двор мой – место, где славные наездники по мне убиваются.

Хажихан хотела бы убить себя,

Но в нашем краю нет такого обычая

На повозке, шелком крытой,

Лучше бы меня уоркские юноши не приводили в этот дом.

Плач по убитому мне вместо свадебной песни – так меня два азата под руки домой ведут.

Дауровское село большое все рыдает,

А громче всех рыдает кривой Хапача Дауров.

Серебряные мои два пистоleta в черный день были моей надежной опорой.

Наперед княжичи молодые на уорков пусть не надеются.

О, Умар Маргушев был моим спутником в наездах, Будь с тобой Хапача, он бы хоть один выстрел из ружья сделал.

(Адыгские песни времен Кавказской войны. Нальчик: «Эль-Фа», 2005. С. 106-107).

Адилъ-Гирей Хамурзину и Мамат-Гирей Лоову, скорее всего, заплатил Засс: все обстоятельства указывают на наемное убийство. А история кровавой распри между кузенами из-за Гуаша-фуджи – не более, чем красивый вымысел, призванный завуалировать методы царского командования. «Благодаря Гуаше-фудже, – читаем у Торнау, – Уруп опустел, и за Кубанью появилось несколько тысяч самых неугомонных абреков». (Воспоминания... Ч. 2. С. 70). Очевидно, что не ссора из-за женщины, а действия Засса были причиной обезлюдения Урупа.

В 1839 г. число замирившихся закубанских кабардинцев, поселенных на Малом Зеленчуке, «по обоим его берегам, вправо до Кубани, влево до р. Большого Зеленчука» определялось в отчете Засса в 1606 человек. (Рапорт начальника Кубанской линии ген.-м. Засса командующему войсками на Кавказской линии и в Черномории, господину генерал-лейтенанту и кавалеру Граббе, от 25 марта 1839 г. // Бесленей – мост Черкесии. С. 93).

Основание линии по Лабе в 1841 г. превратило Восточное Закубанье в полигон для отработки методов колонизации и налаживания управления туземным населением. Царское командование стало рассматривать Восточное Закубанье как территорию, куда можно было поселять все те группы горского населения, которые будут признавать российское подданство.

Командование имело мощные рычаги воздействия на население восточных районов Закубанья еще до основания линии и в приказном порядке переселяло аулы мирных горцев с одной реки на другую. При таких приказах оно исходило из непосредственных военных нужд: мирный аул мог быть достаточно существенным препятствием на пути отрядов непокорных горцев, так как жители такого аула связывались круговой порукой и могли понести суровое наказание за укрывательство информации о передвижениях их соплеменников. С другой стороны, выполнив свою функцию буфера, такие аулы затем переселялись подальше от линии в тыл действующей армии и часто на неудобные земли.

К 1837 г. царское командование полностью контролировало близлежащие к нижней и средней Лабе адыгские селения, и, более того, они были в принудительном порядке поселены в отведенных для них районах на протяжении 1835 и 1836 гг. 7 махошевских, 29 термигоевских и 9 бесленеевских аулов призваны были оказывать содействие будущим гарнизонам Лабинской линии.

Кабардинцы, которые после основания Лабинской линии остались среди абадзехов, продолжали участвовать в военных акциях черкесского сопротивления. Так, в начале ноября 1842 г. черкесские силы стали концентрироваться в районе Фарс-Псефир. Это вызвало усиление по всей линии от Усть-Лабы до Хумары. 8 ноября, вечером, черкесский отряд переправился через Лабу в районе бывшего Калажского укрепления. Следом за черкесами двинулась пехота и кавалерия из различных укреплений Закубанья. Войска не могли догнать черкесов, двигавшихся зигзагами, попеременно угрожая различным пунктам линии. В итоге, когда войска, ожидая перехватить противника, подошли к Кубани, оказалось, что черкесы уже давно успели пересечь реку, промчаться значительное расстояние до Темнолесской, разграбить ее и возвратиться за Кубань.

«Горцы, – сообщал ген.-м. Безобразов, – после невероятно большого перехода, с рассветом напали на хутора у Темнолесской, ограбили часть их, ворвались в станицу и хотя были оттуда выгнаны, но успели со значительным числом пленных отступить к Невинномысской и, несмотря на преследование, переправившись на левый берег Кубани в 3 верстах ниже последней станицы, скрыться к Зеленчукам. Таким образом, не смотря на то, что пехота отряда в 38 часов сделала 125, а кавалерия в то же время 170 верст, и что след неприятеля был открыт, я не мог не только настигнуть, но даже встретить его при обратном движении». (Отношение ген.-м. Безобразова ген.-л. Гурко, от 12 ноября 1842 г., № 70 // АКАК. Т. IX. С. 450-452).

Из Темнолесской черкесы увели в плен около 100 человек, потери казаков этой станицы составили 16 убитыми и 10 ранеными. На переправе у Баталпашинской возвращающихся с полоном черкесов пытался остановить войсковой старшина Косакин, которому это не удалось и привело к гибели еще 15 казаков.

Аулы мирных кабардинцев в Закубанье в 1842 г.

А. князя Джембулата Атажукина. Расположение: правый берег Теберды от укр. Хумаринского в 13 верстах. 155 мужчин и 119 женщин.

А. князя Месауста Наврузова. 1842 г., июнь. 47 мужчин и 30 женщин. Расположение: Малый Зеленчук.

А. князя Аджигирея Атажукина. 1842 г., июнь. 49 мужчин и 24 женщины. Расположение: вниз по М. Зеленчуку от а. Мисоста Наврузова 0,5 версты.

А. князя Докшук Карамурзина. 1842 г., июнь. 90 мужчин и 80 женщин. Расположение: в 0,5 версты от а. Аджигирея Атажукина. РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 86. Л. 414 об.

А. князя Атажук Атажукина. 1842 г., июнь. 52 мужчины и 49 женщин. Расположение: рядом с а. Докшук Карамурзина.

А. кабардинского старшины (узденя 1-й степени) Аджи Али Кубатова. 1842 г., июнь. 101 мужчина и 78 женщин. Расположение: на М. Зеленчуке.

А. князя Исмаила Касаева указан на М. Зеленчуке в 0,5 версты вниз от а. Аджи Кубатова и насчитывал 288 мужчин и 122 женщины.

А. князя Магомета Атажукина. 1842 г., июнь. 60 мужчин и 43 женщины. Расположение: вниз по М. Зеленчуку, от а. Исмаила Касаева в 2 верстах.

А. кабардинского старшины (узденя) Магомета Думанова. 1842 г., июнь. 69 мужчин и 58 женщин. Расположение: «в смежности с Магометом Атажукиным».

А. кабардинского старшины (узденя) Бекмурзы Бабукова. 1842 г., июнь. 117 мужчин и 62 женщины. Расположение: «в вершине речки Урупа».

А. князя Адилгирея Хамурзина. 1842 г., июнь. 25 мужчин и 27 женщин. Расположение: на Урупе в 5 версты ниже Тембулата Кайтукина. При этом, ведомость не упоминает а. Тембулата Кайтукина, что, по всей видимости, объяснимо его немирным статусом.

А. кабардинского старшины (узденя) Соламак Аджи Трамова. 1842 г., июнь. 45 мужчин и 37 женщин. Расположение: «на Урупе ниже Хамурзина».

А. кабардинского старшины (узденя) Барока Чужукова. 1842 г., июнь. 105 мужчин и 74 женщины. Расположение: «на Урупе от аула Трамова ниже двумя верстами».

А. кабардинского первостепенного узденя Магомета Анзорова. 1842 г., июнь. 110 мужчин и 78 женщин. Расположение: «на левом берегу Кубани».

А. кабардинского старшины (узденя) Ахмеда Хаджи Хандукова. 1842 г., июнь. 81 мужчина и 52 женщины. Расположение: «между Большим и Малым Зеленчуками на р. Арслана Джилга». (Там же. Л. 415).

См.: РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 86. Л. 414 об. – 415.

Самир ХОТКО.

Продолжение в следующем выпуске.